

Валерий Мокиенко

Словообразовательный анализ в рамках тематической группы : на материале псковской географической терминологии

Studia Rossica Posnaniensia 3, 75-89

1972

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ВАЛЕРИЙ МОКИЕНКО

Ленинград

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В РАМКАХ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

(на материале псковской географической терминологии)

Утверждение, что диалектное словообразование изучено крайне мало, стало традиционным лейтмотивом работ, ему посвященных¹. И хотя в последнее время в этой области языкознания наблюдается заметное оживление², все же — при сравнении с изучением остальных аспектов народной речи — это утверждение можно повторить, опустив лишь определение „крайне”.

Остро ощущается нехватка работ общетеоретического характера. Изучение отдельных аффиксов с попытками во что бы то ни стало исчерпать и классифицировать все их „значения”, выяснение особенностей словопроизводства особенно в пределах отдельного говора и отдельной лексической группы (как правило, на локально ограниченном материале) — исследования безусловно ценные и нужные. Но без широких ареальных и семантических сопоставлений большой фактический материал по отдельной словообразовательной особенности в отдельном говоре нередко приводит авторов к мысли об исключительности такой особенности (в ареальном, семантическом и особенно в квантитативном плане) в изучаемом диалекте. Словообразовательная черта, характерная для общерусского, восточнославянского, а нередко и общеславянского языкового континиума трактуется как локальная особенность. Эту (в определенной степени объективно обусловленную) тенденцию региональ-

¹ Ср.: Ф. П. Филин, *Об одной особенности диалектного словообразования*, „Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена” 1956, т. XV, вып. 4, стр. 183; В. Сыромля, *К вопросу о суффиксальном образовании имен существительных*. В кн.: Сборник трудов Архангельского государственного педагогического института им. М. В. Ломоносова, 1959, вып. 3, стр. 171; Л. В. Сахарный, *Словообразование имен существительных в русских говорах Среднего Урала*, дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук, Пермь 1964, стр. 4.

² О. Г. Порохова, *К истории словообразования в русских народных говорах* (библиографический обзор). Лексика русских народных говоров, Москва — Ленинград 1966, стр. 126 - 127.

ных исследований метко подметил в свое время Д. К. Зеленин: „Находясь лицом к лицу перед этим поражающим богатством и разнообразием слов, часто склонен бываешь думать, что многие из этих слов создаются на каждый данный случай от первой пришедшей в голову темы или первым попавшимся суффиксом, с тем, чтобы потом бесследно исчезнуть. Но это оказывается жестокою ошибкою ...”³.

А такая ошибка нередко приводит исследователей диалектного словообразования к неверным выводам этногенетического характера. Правда, и широкие ареальные сопоставления должны экстралингвистически интерпретироваться очень осторожно: ведь и широкие ареальные границы отдельных образований не всегда означают их генетическое тождество. При установлении лексических ареалов необходимо иметь в виду не только формальное сходство слов, но и подвергать строгому анализу их семантические особенности.

Тесную взаимосвязь семантики и словообразования хорошо иллюстрирует принцип семантической конденсации, помогающий раскрыть некоторые структурные закономерности славянской географической терминологии. Поэтому, прежде чем перейти к конкретному словообразовательному анализу псковских географических терминов, объединенных общим значением ‘низкое, сырое место’, остановимся на этой общей закономерности славянской лексики⁴.

Семантическая конденсация (универбизация, универбация) заключается в формальном устранении диалектического противоречия между двучленностью наименования и единством его значения⁵. Явные примеры конденсации из области псковской терминологии низинного рельефа: *глухое озерко* — *глушина, глухарь, глушанёк, глушень, глушачок, глушня*; *гнилое болото* — *гнилица, гнилище*; *вязкое место* — *вязь, вязель, вязуха*; *моховое, мховое, мишстое болото* (место) — *мошарина, мошачина, мошенец, мишавина, мишага, мишара, мишарина, мишина*; *ржавое болото* — *ржавец*; *черное болото* — *черень* и под. Ср. широкую сочетаемость различных определений с самым общим „географическим” термином — *место*: *бузливое, бузяное, глейное, водíвое, кипучее, кислое, низкое, подполистное, проваленное, тинное, топучее, чистое* и т.д. *место*. Естественно, что в некоторых из них двучленные сочетания — лишь вторичное перераспределение одночленных терминов, нередко с целью объяснить, истолковать их. Признание этого факта (не вполне учитываемого А. В.

³ Д. К. Зеленин, *Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию*, „Сборник ОРЯС” 1904, т. 76, стр. 18.

⁴ На более широком славянском фоне различные аспекты семантической конденсации рассматриваются в нашей статье: Семантическая конденсация и групповой анализ лексики, „Вестник Ленинградского государственного университета 1968, № 14, вып. 3, стр. 117 - 125.

⁵ А. В. Isačenko, *Obecné zákonitosti a národní specifičnost ve vývoji slovní zásoby slovanských jazyků. K historicko-srovnávacímu studiu slovanských jazyků*, Olomouc-Praha 1957, s. 143 - 153 и др.; литературу вопроса см. в нашей статье.

Исаченко), однако, не опровергает самого принципа семантической конденсации, а лишь показывает постоянную актуальность диалектического процесса: „двучленность” → „одночленность” → „двучленность” и т.д. Тем более, что возможность вторичного переразложения на сочетание обычно — свидетельство сохранения прозрачности внутренней формы исследуемого слова, что облегчает зачисление последнего в разряд конденсатов. Учитывая относительно легко реконструируемые „сочетания” (как увидим ниже, не обязательно формально представленные), мы произвели подсчет конденсатов в исследуемой лексики. Оказалось, что из 381 местного термина „конденсированных” — 217, т. е. 75,5%. Остальные — либо результат переноса значения слов других терминологических сфер (*бахоро, беда, бор, вир, гарь, мох, окно, сита, треста* и под.), либо слова с неясной этимологией (*ортеп, зрява, набатурица* и под.). И в том и в другом случае можно предполагать — учитывая предположение Я. Розвадовского об исконной двучленности каждого слова⁶, что эти местные термины в конечном итоге являются результатом конденсации сочетаний.

Модель „двучленность” ↔ „одночленность” делает возможным формальное опущение второго компонента. Последний регистрируется и осознается лишь мысленно. Многие общеславянские географические термины, по-видимому, возникли путем такой, „мысленной”, семантической конденсации⁷. Понимание этого процесса помогает точнее раскрыть конкретные этимологические связи многих терминов.

Раскрытие такого рода связей приобретает особо важное значение при довольно распространенных народноэтимологических переосмыслениях, когда реконструкция словосочетания, легшего в основу такого слова, дает верное этимологическое решение. С другой стороны, процесс семантической конденсации и многие словообразовательные особенности лексики раскрываются лишь в ходе этимологического анализа. Только с помощью этимологического анализа можно иногда определить производящую основу слова и реконструировать ее тип.

Чисто формальный словообразовательный анализ группы лексики нередко приводит к неразрешимой дилемме: каким способом образовано слово: морфологическим или семантическим? Так, А. С. Герд, анализируя названия рыб, пишет: „слово *синец*, обозначающее в русском языке рыбу *Abramis balerus*, может быть представлено и как образование от основы прилагательного *+ец*, и как слово, созданное по семантическому способу словообразования. В том или ином диалекте *синец* обозначает рыбу, в другом, а может

⁶ J. Rozwadowski, *Wortbildung und Wortbedeutung*, Heidelberg 1904; польский перевод: *Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów. Studium nad ich podstawowymi prawami. Wybór pism*, t. III, Warszawa 1960, s. 21 - 95.

⁷ См. в нашей статье о конденсации праслав. *bolto, *pole, *boln-, *gola и др.

быть, и в том же — растение”⁸. Ср. также названия рыб *белуга*, *пестрюга*, *синюга*, *весёлка*.

Разрешить это противоречие можно лишь включением семантического плана в словообразовательный анализ. Омнимический характер образований типа *синец* ’рыба’ и *синец* ’растение’ ясно виден в фокусе семантической конденсации. Эти слова определенно образованы морфологическим способом и связаны между собой не переносом значения, а прилагательным *синий*, от которого они произведены. Семантическое же их различие зависит от значения утраченного компонента (возможно, формально опущенного).

Приведем подобный пример из сферы географической терминологии. Наряду с местными терминами *глухарь*, *глушня* ’зыбун на месте заглохшего озера’ в русском языке представлены *глухарь* ’тетерев’, ’белый гриб, растущий в глухом бору’ (Д. I, 359), ’глухой человек’, аргот. ’рабочий, сидящий внутри котла и отбивающий изнутри молотом болты, вбитые с наружной стороны, по выходе из котла временно теряющий слух’ (ТСРЯ I, 574), ’род винта, большой шуруп’ (там же); *глушня* ’все глухое’ (Д. I, 359). Легко заметить, что различие значений этих слов в первую очередь обусловлено утраченным (или формально опущенным и образованным с самого начала по существующей модели) обобщающим компонентом *глухое озеро*, *глухая птица*, *глухой человек* и т.д. Разумеется, известную роль играет и конкретная семантическая амплитуда определения (в данном случае прилагательного *глухой*).

Решение проблемы омнимических суффиксальных образований помогает решить важный вопрос о „значениях” суффиксов. Стремление разграничить слова-омнимы типа *синец*, *глухарь* ведет к тематической классификации суффиксов. Поскольку в слове тематическое „ядро” утрачено или присутствует лишь мысленно, то исследователи видят его в суффиксе, приписывая последнему различные „значения”, в зависимости от того, какая группа слов рассматривается. Так, например, Т. А. Марусенко считает формант *-ина* „специализированным суффиксом географических апеллятивов”⁹, в В. А. Меркулова — „основным суффиксом в названиях ягод” праславянского периода¹⁰.

Детальные исследования, посвященные отдельным славянским суффиксам в их „семантическом” комплексе показывают, что такое тематическое ограничение условно. Даже относительно малопродуктивный славянский суффикс *-уха* обладает широким семантическим диапазоном: обозначение лиц, бытовых предметов, хозяйственных построек, видов пищи и продуктов, заболеваний, зверей, птиц и рыб, растений, явлений природы, а в „эмоциональном

⁸ А. С. Герд, *О специфике словообразовательного анализа в рамках одной лексической группы. Очерки по словообразованию и словоупотреблению*, Ленинград 1965, стр. 32.

⁹ Т. А. Марусенко, *Названия рельефа в украинском языке (на славянском фоне)*, автореф. канд. дисс., Каменец Подольский — Киев 1967, стр. 8.

¹⁰ В. А. Меркулова, *Очерки по русской народной номенклатуре растений*, Москва 1967, стр. 241.

плане” — „уменьшительность” ↔ „увеличительность”¹¹. М. В. Сыромля, работа которого посвящена этому же суффиксу, выделяет для -уха и более абстрактные „значения”: количественные, отвлеченного действия, состояния, временное и под.¹²

Естественно, что чем продуктивнее и ареально шире суффикс, тем необъятнее комплекс его „значений”. Так, всестороннее исследование славянского суффикса -ина позволяет выделить следующие группы „значений”: собирательности, уменьшительности, увеличительности, названия местности, действия, видов деревьев, мяса и проч. При такой денотационной амплитуде естественно напрашивается вывод: все эти семантические функции — разновидности единой общеструктурной функции образования существительных от прилагательных и существительных¹³. Самостоятельное категориальное значение, таким образом, имеют не суффиксы, а семантическое поле, в которое втягиваются суффиксальные образования.

Следовательно, говоря о „значении” суффиксов, необходимо иметь в виду, что самостоятельность этого „значения” весьма относительна. Однако, признание факта относительности семантической нейтральности словообразовательных формантов не означает отказа от их систематизирующего, моделирующего влияния. Известно, например, что отдельные суффиксы исключительно продуктивны лишь при образовании отдельных (семантически ограниченных) групп слов. Закрепленные литературной традицией, они часто играют активную роль в распределении слов на классы и являются формальным признаком того или иного семантического поля (ср. -щик, -тель, -тор и мн. др.)¹⁴.

Такие словообразовательные модели активно функционируют и в рамках нашей лексической группы. Нетрудно, например, заметить словообразовательную взаимосвязь таких местных терминов, как *гнилка, грязька, мазутка, топка, тряска, выгарка, ржавка, клеялка, месинка* и т. д.; *бучило, месило, мочило; вязель, дригель, дрызгель, зыбель, топель, потопель; болотня, бродня, вешня, глушня, плавня; вязуха, зыбуха, провалюха* и мн. др. (см. ниже сводную таблицу).

Отмечая эту взаимосвязь, нельзя не подчеркнуть огромную регулирующую роль этих и подобных формантов в образовании славянских географических

¹¹ А. С. Герд, *Имена существительные с суффиксом -уха в русских народных говорах*. Псковские народные говоры, I, Псков 1962, стр. 125.

¹² М. В. Сыромля, *ук. соч.*, стр. 182 - 283.

¹³ Р. Majewska-Gregorezykova, *Kształtowanie się funkcji znaczeniowych sufiksu -ina*. „Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego” 1961, t. 20, s. 163 - 173. Возможно и образование существительных от глаголов с помощью -ина. Ср. рус. *ветчина* (<ветчинна) — Б. А. Ларин, *Русско-английский словарь — дневник Ричарда Джемса 1618 - 1619*, Ленинград 1959, стр. 85; *кончина* (<кончить) — устное сообщение Ю. В. Откупщикова; *трясина* и др.

¹⁴ О словообразовательных моделях (с библиографией вопроса) см.: Е. С. Кубрякова, *Что такое словообразование?*, Москва 1965, стр. 58 - 73.

1	2	3	1	2	3	
	ржавное болото топкляя пожня топливо место топучее болото топучее место торфяное место торфяное болото трясунное боло- то черничное болото черное болото чистый мох			черень чисть выгарь завонь заросль потопь пронизь гарий гнилка грязька лучка мазутка топка тряска выгарка салотопки ржавка осоковка плинтовка омшажка лужайка зыбалка клеялка лучанка чищенка болотинка гаринка грязинка круглинка лядинка ложбинка лощинка месинка низинка сыринка чищинка болотовинка боровинка латавинка лотовинка лахтавинка мочавинка плесовинка омшарёнка амшаринка мошаринка омшаринка омшарка		$V_{p(вы)} + j^b$ $N_{p(за)} + J^b$ $V_{p(за)} + j^b$ $V_{p(по)} + j^b$ $V_{p(про)} + J^b$ $V_0 + иj$ $A_0 + ка$ $N_0 + ка$ $V_0 + ка$ $V_0 + ка$ $V_{p(вы)} + ка$ сложение $A_{s(ав)} + ка$ $A_{s(ов)} + ка$ $A_{s(ов)} + ка$ $N_{s(ар)} + ка$ $N_0 + айка$ $V_0 + алка$ $N_0 + анка$ $A_{s(ен)} + ка$ $N_{s(ин)} + ка$ $N_{s(ин)} + ка$ $N_{s(ов)} + инка$ $N_{s(ар)} + инка$ $N_{s(ар)} + ка$
г-ага	амшага имшага мшага омшага бочага	$N_0 + ага$	вы-г-г- j^b за-г- j^b по-г- j^b про-г- j^b г-и-г г-ка вы-г-ка г-о-г-ка г-ав-ка г-ов-ка г-ов-ка г-аг-ка г-а-г-ка г-ал-ка г-ан-ка г-ен-ка г-ин-ка			
г-н-ага	пловняга	$A_{s(н)} + ага$	г-ов-ка			
г-аг	тросняг	$N_0 + аг$	г-аг-ка			
г-уга	мерюга	$N_0 + уга$	г-а-г-ка			
г-уг	плавнюг болонья болонье оболенье оболонье обольнье оболэнье глазье оleshье плавье	$A_{s(н)} + уг$ $N_0 + ja$ $N_0 + je$	г-ал-ка г-ан-ка г-ен-ка г-ин-ка			
за-г-ге	заболотье залужье	$N_{p(за)} + je$				
г-ев-ге	гаревье	$A_{s(ев)} + je$				
г-ов-ге	болотовье	$A_{s(ов)} + je$				
г-ель-ге	тряселье	$V_{s(ель)} + je$				
г-ен-ге	виренье	$A_{s(ен)} + je$	г-ов-ин-ка			
г-ин-ге	вириные	$A_{s(ин)} + je$				
г-жо	халемье	$N_0 + jo$				
г-ж ^b	бель вязь гарь гниль грязь дребь дрянь зыбь топь	$A_0 + j^b$ $V_0 + j^b$	г-ар-ен-ка г-ар-ин-ка г-ар-ка			

1	2	3	1	2	3
г-аш-ка	беляшки	$N_{s(аш)} + ка$		топель	
г-ич-ка	болотичка	$N_0 + ичка$		потопель	
г-ич-ка	бузичка		г-ыль	топыль	$V_0 + ыль$
г-ин-оч-ка	болотиночка		г-ань	лапонь (ань)	$V_0 + ань$
	лощиночка		г-ень	бродень	$V_0 + ень$
	торфиночка	$N_0 + иночка$		глушень	
г-ов-ин-оч-ка	боровиночка	$A_{s(ов)} + иночка$	по-г-ень	дербень	$V_{p(по)} + ень$
г-ко	болотко	$N_0 + ко$	г-ина	поплавень	$N_0 + ина$
г-иш-ко	болотишко	$N_0 + ишко$		артепина	
г-н-ак	болотняк	$N_0 + няк$		болотина	
	тросняк			гарина	
	тресняк			глушина	
по-г-н-ак	поплавняк	$N_{p(по)} + няк$		грязина	
г-ик	чистук	$A_0 + ик$		дрысына	
г-н-ик	болотник			дрязина	
	жиламустник	$A_{s(н)} + ик$		жарина	
г-а-н-ик	имшаник	$A_{s(ан)} + ик$	г-ина	зыбина	$N_0 + ина$
г-ен-н-ик	чищенник	$A_{s(енн)} + ик$		колдобина	
г-ар-н-ик	амшарник	$N_{s(ар)} + ник$		ломина	
	имшарник			лоточина	
	омшарник			лещина	
г-ен-н-ик	амшённик	$A_{s(енн)} + ик$		лужина	
г-ан-ик	болотяник	$A_{s(ан)} + ик$		лущина	
	торфяник			лядина	
г-ок	калок	$N_0 + ок$		мокрина	$A_0 + ина$
	островок			мшина	
за-г-ок	загубок	$N_{p(за)} + ок$		низина	
на-г-ок	наволоч	$V_{p(на)} + ок$		полбвина	
по-г-ок	положек	$N_{p(по)} + ок$		поточина	
	поплавки	$V_{p(по)} + ок$		патожина	$N_0 + ина$
про-г-ек	проточек	$N_0 + ек$		плавина	
г-ан-ок	глушанёк	$N_0 + анок$		пловина	$V_0 + ина$
г-ев-н-як	глажевняк	$A_{s(ев)} + няк$		пучина	$N_0 + ина$
г-ин-ок	устинок	$N_0 + инок$		солотина	$A_0 + ина$
г-ар-ок	амшарок	$N_{s(ар)} + ок$		сырина	$V_0 + ина$
г-ач-ок	глушачок	$N_0 + ачок$		топина	$N_0 + ина$
г-л-о	бучило	$V_0 + ло$		торфина	$V_0 + ина$
	гнило			трясына	$A_0 + ина$
	месило			чистина	
	мочило		за-г-ина	чищина	
г-ав-и-ло	мочавило	$V_{s(ав)} + ло$		завадина	$N_{p(за)} + ина$
г-ель	везель	$V_0 + ель$	пере-г-ина	захлебина	$V_{p(за)} + ина$
	вязель			перемоина	$V_{p(пере)} + ина$
	дризель		под-г-ина	подсосина	$V_{p(под)} + ина$
	дрызгель		г-ав-ина	болотавина	
	зыбель			глажавниа	
	кисель			лужавниа	

1	2	3	1	2	3
	мочавина	$N_o + \text{вина}$		вешня	
	омшавина			глушня	
г-ов-ина	стружавина			плавня	
	боровина		за-г-ня	заболотня	$N_{p(за)} + \text{ня}$
	логовина		г-ар-ана	мшарана	$N_{s(ар)} + \text{ана}$
г-ов-ина	луговина	$N_o + \text{овина}$	г-ар	мочар	$N_o + \text{ар}$
	моховина			омшар	
	низовина		г-ара	омшара	$N_o + \text{ара}$
по-г-ов-ина	потоковина	$V_{p(по)} + \text{ови-на}$		имшара	
			г-арь	мшара	
г-аг-ина	бочажина	$N_{s(ар)} + \text{ина}$	г-ив-ость	глухарь	$A_o + \text{арь}$
	омшажина		г-уха	водивость	$A_{s(ив)} + \text{ость}$
г-ель-ина	зыбелина	$N_{s(ель)} + \text{ина}$		вязуха	$V_o + \text{уха}$
	топелина			зыбуха	
про-г-л-ина	продушлина	$N_{p(про)} + \text{ина}$	г-ец	провалюха	
г-м-ина	лужмина	$N_{(м)} + \text{ина}$	г-ав-ец	торфец	$N_o + \text{ец}$
	нзина			иржавец	$A_{s(ав)} + \text{ец}$
г-о-н-ина	топонина	$A_{s(н)} + \text{ина}$	г-ен-ец	ржавец	$A_{s(ен)} + \text{ец}$
г-ар-ина	амшарина		г-ица	Мошенец	$A_o + \text{ица}$
	имшарина			вешница	
	мошарина	$N_{s(ар)} + \text{ина}$		гнилица	
	омшарина		г-ель-ица	набатурица	$N_o + \text{ица}$
	ямшарина			зыбелица	
	жабарина			киселица	$V_o + \text{ица}$
г-ач-ина	мошачина	$N_o + \text{ачина}$		топелица	
г-ав-ч-ина	иржавчина	$N_o + \text{ав-чина}$	г-н-ица	топлица	
	ржавчина	лекс.-сем.		бездонница	$A_{s(н)} + \text{ица}$
г-уч-ина	плавучина	$A_{s(уч)} + \text{ина}$	г-ан-ица	зобница	
	слабучина		г-л-енн-ица	бруханица	
г-щина	плавщина	$N_o + \text{щина}$	г-иш-н-ица	утопленница	$A_{s(енн)} + \text{ица}$
г-ов-щина	вировщина	$N_o + \text{овщи-на}$	г-о-г-ица	коренишница	$A_{s(вшн)} + \text{ица}$
			г-ище	низколodiца	сложение
г-ун	гибун	$V_o + \text{ун}$	г-ище	болотище	$N_o + \text{ище}$
	зыбун			болотище	$N_o + \text{ище}$
	кипун			бомбище	
	плавун		г-ов-ище	гнилище	
г-ня	болотня	$N_o + \text{ня}$	г-ище	окновище	$N_o + \text{овище}$
	бродня		г-н-ище	окнище	$N_o + \text{ище}$
				лужище	$N_o + \text{нище}$

терминов. Однако, приписывать им „специфическое” географическое значение было бы неверно: ведь семантические модели образования лексики, остающиеся обычно в стороне при формально-словообразовательном подходе, играют при складывании лексической группы не менее значительную роль¹⁵.

¹⁵ В. М. Мокиенко, *Основные семантические модели образования славянских географических терминов со значением 'болото'*. В сб.: Местные географические термины в топонимии, Москва 1966, стр. 19 - 21.

Принцип семантической конденсации важен именно потому, что он дает возможность рассматривать эти два важнейших фактора образования славянской географической терминологии в комплексе, в неразрывном единстве. Семантическая конденсация — внутренний механизм образования слова. Формально же она осуществляется, по крайней мере, в синхронном плане — через словообразовательные модели.

Высказанные соображения, как кажется, хорошо иллюстрируются сопоставлением словообразовательных средств географической лексики с другими лексическими группами. Характерно, что набор основных аффиксов в псковских говорах для образования географических терминов и, например, названий животных почти одинаков. Вывод В. И. Максимова — что нельзя „с достоинством назвать ни одного суффикса, который использовался бы для наз-

аффикс или способ словообразования		лекс. -сем.	сочетание	-ина	-ка	-jь, -je -jа, -jo	-ица (-ице)	-ок (ек)
количество образований	1-го порядка	49	22	71	52	17, 2 11, 1	12, 1	12
	2-го порядка			27	—	—	—	—

вания, например, птиц, но не рыб, пресмыкающихся, но не насекомых, диких, но не домашних животных¹⁶ весьма показателен. Более того — его можно распространить и на словообразовательные связи между различными группами лексики¹⁷. Такой вывод, например, для русской номенклатуры растений делает В. А. Меркулова: „С формальной стороны названия травянистых растений не имеют принципиальных отличий от названий предметов вообще”¹⁸.

Для доказательства подобных предположений весьма перспективно выделение структурных типов и словообразовательных моделей, дающее возможность — после проведения подобного анализа нескольких лексических групп — выявить, насколько то или иное семантическое поле влияет на словообразовательный тип входящих в него лексем. На материале одной из групп лексики — русских названий рыб — такой структурный анализ проделан А. С. Гердом¹⁹.

¹⁶ В. И. Максимов, *Некоторые особенности суффиксального образования названий животных в диалектах (на материале лексики псковских говоров)*. В сб.: *Лексика русских народных говоров*, Москва — Ленинград 1966, стр. 124.

¹⁷ Разумеется, различия формантов (и их продуктивности) между группами будут большими, чем различия между подгруппами одного лексического пласта. Однако, полного совпадения словообразовательных средств не может быть и в пределах одной подгруппы.

¹⁸ В. А. Меркулова, *ук. соч.*, стр. 144.

¹⁹ А. С. Герд, *ук. соч.*, стр. 19 - 36.

Рассмотрим в таком же аспекте, но с учетом описанного выше процесса семантической конденсации, псковские географические термины с общим значением 'низкое, сырое место'²⁰. Результаты этого анализа представлены в виде таблицы I²¹.

Структурные типы первого порядка легко подвергаются структурным операциям, проделанным А. С. Гердом для ихтиологической терминологии: их можно объединить в структурные типы второго порядка (R-S-уг, R-S-ка и т.д.), а последние, в свою очередь, объединить в типы третьего порядка (R-S-уг, R-S-ка, R-S-S) и т.д.²²

Для нашей цели интересно также количественное соотношение формантов, с помощью которых образованы местные географические термины на Псковщине. Представляем полученные данные в виде таблицы II:

Табл. II

(н) пк	-ище	-ель	-ыль	-ага, -аг -уга, -уг	-ар (-арь)	-ня -ана	-ло	-ень	-ань	-ун	-ак	-ко	-ец	-ухэ	-аш	-ость
10	6	7	1	3 1 3 1	3 1	6 1	5	4	1	4	4	2	3	3	1	1
—	—	5	—	6	4	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Можно особо отметить суффиксы, не участвующие в образовании моделей первого порядка, но сыгравшие важную роль в формировании основы: *-в* (*-ов, -ев, -ав*), *-н* (*-ин, -ан, -ен*), *-уч, -ач, -шин* и проч. (см. таблицу I).

Активную роль в образовании наших терминов играют и префиксы (см. табл. III).

Табл. III

префикс	за-	на-	под-	по-	па-	про-	пере-	раз-	у- (в)
количество образований	10	5	2	12	3	10	2	1	1

Особое место в системе псковских и некоторых других восточнославянских говоров занимают начальные *о, а, и*, развившиеся после падения редуцированных: *амишара, омишара, имишара* и *мишара* и под. По мнению Ф. П. Филина, это пережиток фонетической закономерности, в свое время характерной

²⁰ Детальное семантическое и лингвогеографическое описание этой лексики дается в нашей канд. дисс.: *Лингвистический анализ местной географической терминологии (псковские аппелятивы, обозначающие низинный рельеф, на славянском фоне)*, Ленинград 1969.

²¹ Сокращения: R, r — корень слова, S, s — суффикс, P, p — приставка, A₀ — основа прилагательного, N₀ — основа существительного, V₀ — основа глагола, f — флексия (нулевая и материально оформленная).

²² А. С. Герд, ук. соч., стр. 31 - 32.

для всех говоров русского языка²³. Характерно, что это явление в псковских говорах невозможно локализовать, поскольку варианты с *и*, *а*, *о* или без них могут встретиться в одном пункте в пределах одного контекста (напр., дер. Жидилов Бор, Пск.).

Сопоставление словообразовательной структуры местных географических терминов с другими лексическими пластами показывает, что наиболее продуктивные форманты остаются активными в разных семантических полях. Ср. напр. полный набор суффиксов „наименования” животных в псковских говорах: *-ка*, *-ок* (*ек*), *-ак*; *-ец*, *-ик*, *-ица*, *-ун*; *-ага* (*-яга*), *-ан*, *-арь*, *-ень*, *-ја*, *-уля*, *-ха* (*-аха*, *-яха*), *-ыль*; *-авка*, *-аница* (*-яница*), *-ешка* (*-ёшка*), *-ина*, *-ла* (*-ло*), *-оня* (*-ёня*), *-оха* (*-ёха*), *-ук* (*-юк*), *-унья*, *-уток* (*-юток*), *-уша*, *-чук*²⁴.

Сопоставление показывает, что более 90% суффиксов образуют и географические термины, и названия животных, несмотря на явную семантическую дифференцированность этих двух сфер лексики.

Можно отметить и относительное сходство продуктивности этих формантов: ср. напр. количество образований с *-ка* в названиях рыб²⁵ с нашими данными. С другой стороны, продуктивность отдельных суффиксов может быть и довольно различной: ср. *-ина* в географических терминах и в названиях животных²⁶ и рыб²⁷.

Подобное сопоставление показывает, что „специальные”, относящиеся лишь к одной группе лексики суффиксы, как правило — суффиксы малопродуктивные. Наибольшей продуктивностью отличаются суффиксы, известные в различных пластах лексики на широком ареальном континиуме. Ареал образований с *-ина*, напр., свидетельствует об активном употреблении этого форманта в праславянском.

Как отмечалось выше, нельзя отрицать моделирующего влияния и значения формантов. Сильная модель, получившая широкое распространение в определенной тематической группе, в конце концов и создает видимость „специализации” суффикса. В синхронном плане (особенно, в „стандартизованных” литературных языках) эта видимость становится реальностью. Наблюдения над продуктивностью и особенностями отдельных формантов в говорах тем и интересны, что в конечном итоге могут вскрыть механику процесса такой „специализации”, показать, как чисто формальная (так сказать, „оформительная”) функция аффикса под влиянием семантического поля (resp. микрополя) становится и функцией семантической. О таком развитии форманта говорит употребление суффикса *-ина* в различных сферах славянской лексики.

²³ Ф. П. Филин, *О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах. Лексика русских народных говоров*, Москва — Ленинград 1966, стр. 30 - 31.

²⁴ В. И. Максимов, *ук. соч.*, стр. 108 - 116.

²⁵ А. С. Герд, *ук. соч.*, стр. 21 - 25.

²⁶ В. И. Максимов, *ук. соч.*, стр. 115.

²⁷ А. С. Герд, *ук. соч.*, стр. 28.

Характерно и активное употребление славянского суф. *-је*, имеющего в древности самое общее — „указательное” — значение, и образование с его помощью славянских терминов: праслав. **role* и мн. др. Наряду с общим значением „собирательности” и проч. диалектологи отмечают у этого суффикса и „значение” места²⁸.

Такое же „местное” значение отмечал еще Н. Дурново для суф. *-ище*²⁹. И псковские лексемы с этим суффиксом имеют явно подчеркнутое географическое значение: *болотище, бомбище, гнилище, окнище, лужнище*. Такая „специализация” суф. *-ище* приводит к его широкому топонимическому употреблению на всей славянской территории. Факт его активности в образовании топонимов и микропонимов, возможно, позволяет трактовать некоторые из приведенных псковских терминов (*бомбище, гнилище*) как полутопонимы или полуаппеллятивы.

Однотипные образования в живом языке часто ставятся рядом. Сходство формы в таких случаях нередко вызывает аналогию содержания. Такое семантическое сближение можно отметить, напр., для псковских географических терминов на *-ель*.³⁰ Большинство этих образований — от основ, семантически близких к „грязь”: *дризель, вязель, дрызгель, жыдель, кисель, месель*. Под их влиянием и такие образования, как *зыбель, топель, потопель*, внутренняя форма которых позволяет избежать „детерминологизации”, в некоторых контекстах развивают семантическую характеристику 'грязь': „Здесь станóвишься, там пузырьём падымаецца, зыбэль, вязэль” (Н.-Рж. Каруза). Ср. твер. *зыбель* 'зыбкое, болотистое место' и 'жидкая, глубокая грязь'. Хотя сдвиг 'болото' ↔ 'грязь' — одна из семантических закономерностей географической лексики, нельзя не отметить в этом случае и моделирующего влияния суффикса. Подобные примеры еще раз подчеркивают тесную взаимосвязь значения и формы диалектного слова.

Описание образования местной географической терминологии как закономерного процесса отнюдь не означает отрицания разнообразных стихийных, нерегулярных явлений. Масса синонимичных окказионализмов в этой лексике показывает, что ненормированность, индивидуальные употребления — особенности, отмечаемые многими исследователями народной речи — характерны и для местной географической терминологии. Сравнивая синонимические суффиксальные дублеты в местной географической терминологии с сино-

²⁸ Н. П. Глотова, *К вопросу о диалектном использовании суффиксов -је и -jo*. В сб.: Вопросы русского языкознания. Саратов 1961.

²⁹ Н. Дурново, *Описание говора дер. Парфенок, Рузского уезда Московской губ.* Варшава 1903, стр. 204 - 205.

³⁰ См. об этом суффиксе: Ю. С. Азарх, *Существительные на -ель женского рода в истории русского языка*. „Ученые записки Московского областного педагогического института” 1961, т. 100, вып. 6, стр. 115 - 129.

миническими дублетами в других диалектных лексических группах, можно отметить, кроме общих моментов, и специфику нашей терминологии.

Названия ягод, напр., образованные от той же основы, но оформленные разными суффиксами, точно соответствуют одному денотату. Так, *черника* — *черница* — *чернига* — *черненига* обозначают ягоду *Vaccinium myrtillus*, *брусника* — *брусница* — *бруснига* — *бруска* — *брусенка* — *Vaccinium vitis idaea*. Суффиксы *-ика*, *-ица*, *-ига* и т.д. действительно играют в этом случае роль абсолютных „синонимов”³¹.

Иное дело — различные суффиксальные образования в сфере географической терминологии. Здесь нередко с помощью форманта происходит детализация географического термина. Так, *зыбина* — ’трясина, зыбкое место’, *зыбуха* ’мочажина в болоте’, *зыбалка* ’зыбкое место на грязной дороге’, *zybун* ’топкое, колеблющееся непроходимое болото’; *топель* ’топкое, вязкое болото’, *топелица* ’грязь’, *топина* ’трясина’, *топка* ’болотце’ и под. Именно поэтому фиксация всех словообразовательных вариантов местной географической терминологии представляет особый интерес не только для лингвистов, но и для географов, стремящихся как можно полнее описать все варианты термина (П. Л. Маштаков, Э. М. Мурзаев, Н. А. Солнцев).

Не всегда, однако, с помощью формантов выражаются реалемные различия. Образность народного языка, стремление избегать штампов, индивидуальность речи каждого информатора нередко создают „экспрессивные” местные географические термины: *беда* ’болотная трясина’, *бóмбице* ’мочажина в болоте, образованная упавшими туда снарядами’, *бруханица* ’грязь, слякоть’, *дризель* ’вязкое болото’, *киселица* ’топкая грязь’, *клеялка* ’вязкое место на дороге’ и под.

При анализе местной географической терминологии необходимо учитывать все отмеченные особенности в равной мере. Нельзя, например, недооценивать роль „экспрессивности” народной речи, но переоценка этой особенности в сфере словообразования может привести к отказу от использования этих слов как терминов: ведь основное (и необходимое) качество термина — точное, эмоционально нейтральное обозначение специальных понятий и предметов.

Нельзя абсолютизировать и принцип семантической конденсации, учет которого при анализе словообразовательной структуры кажется необходимым. Относительность этого процесса в том, что на определенном хронологическом уровне его надо понимать именно как „семантическую” конденсацию: двучленность, предшествовавшая образованию слова, может и не получать формального выражения благодаря моделирующей роли аффиксов. Таким образом, моделирующее влияние аффиксов, на первый взгляд ограничивающее сферу действия семантической конденсации, на деле — лишь одно из внешних проявлений внутренней тенденции „двучленность” ⇔ „одночленность”.

³¹ В. А. Меркулова, ук. соч., стр. 204 - 208.

Принцип семантической конденсации дает возможность связать семантику слова с его структурой, что, по нашему мнению, и является основной задачей и в то же время спецификой словообразовательного анализа лексических групп. Этой задаче и был подчинен конкретный словообразовательный анализ небольшой группы псковской лексики с общим значением 'низкое, сырое место': определение типа образования, продуктивных и непродуктивных аффиксов, выявление активных словообразовательных моделей, синонимических разноформленных образований и окказионализмов.

WORD-FORMATION ANALYSIS WITHIN THE LEXICAL SET

by

VALERI MOKIENKO

Summary

The article deals with the problems of the Russian dialect word-formation from the point of view of the close union between the derivative and the semantic aspects. An account of the process of semantic condensation, one of the main structurally semantical ways of word-formation in the chosen slavic vocabulary (geographical terminology), makes its derivative analysis more precise and objective, provides a sound method for differentiating the suffix homonymity and helps a correct understanding of the word-formation model's role and its influence on "semantic" specialisation of the affix.

The structural types and models of the Russian regional geographical terminology are defined. The results of this analysis are generalised in tables. The confrontation of these types with the structural models of the other lexical sets proves that a part of the so-called "specific" formants in the lexical set is relatively small. The apparent affix "specialisation" is usually created by the activity of one or another model within the lexical unit.